

Аркадий Аверченко

Дюжина ножей в спину революции
12 новых рассказов

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
А19

А19 **Аверченко А.Т.**
Дюжина ножей в спину революции: 12 новых рассказов / Аркадий Аверченко – М.: Книга по Требованию, 2014. – 63 с.

ISBN 978-5-517-99076-1

ISBN 978-5-517-99076-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Можетъ быть, прочтя заглавіе этой книги, какой нибудь сердобольный читатель, не разобравъ дѣла, сразу и раскудахчется, какъ курица:

— Ахъ, ахъ! Какой безсердечный, жестоковыйный молодой человѣкъ — этотъ Аркадій Аверченко!! Взялъ да и воткнулъ въ спину революціи ножикъ, да и не одинъ, а цѣлыхъ двѣнадцать!

Поступокъ — что и говорить — жестокій, но давайте любовно и вдумчиво разберемся въ немъ.

Прежде всего, спросимъ себя, положивъ руку на сердце:

— Да есть-ли у насъ сейчасъ революція?..

Развѣ та гниль, глупость, дрянь, копотъ и мракъ, что происходитъ сейчасъ—развѣ это революція?

Революція—сверкающая прекрасная молнія, революція—божественно красивое лицо озареннаго гнѣвомъ Рока, революція—ослѣпительно яркая ракета, взлѣтѣвшая радугой среди сырого мрака!..

Похоже на эти сверкающіе образы то, что сейчасъ происходитъ?..

Скажу въ защиту революціи болѣе того— рожденіе революціи прекрасно, какъ появленіе на свѣтъ ребенка, его первая бессмысленная улыбка, его первыя невнятные слова, трогательно умилительныя, когда они произносятся съ трудомъ лепечущимъ неувѣреннымъ въ себѣ розовымъ язычкомъ...

Но когда ребенку уже четвертый годъ, а онъ торчитъ въ той же колыбелькѣ, когда онъ четвертый годъ сосетъ свою всунутую съ

самого начала въ ротъ ножку, превратившуюся уже въ лапу довольно порядочнаго размѣра, когда онъ четвертый годъ лепечетъ тѣ же невинныя невразумительныя слова, вродѣ; «совнархозъ», «уѣземелькомъ», «совбуръ» и «реввоенкомъ»—такъ это уже не умилительный, ласкающій глазъ младенецъ, а, простите меня, довольно порядочный дѣтина, впавшій въ тихій идіотизмъ.

Очень часто впрочемъ, этотъ тихій идіотизмъ переходитъ въ буйный, и тогда съ дѣтиной никакого сладу нѣтъ!

Не смѣшно, а трогательно, когда крохотный младенчикъ протягиваетъ къ огню розовые пальчики, похожіе на бутылочки, и лепечетъ непослушнымъ языкомъ:

— Жижя, жижя!.. Дядя, дай жижю...

Но когда въ темномъ переулкѣ встрѣчается лохматый паренъ съ лицомъ убійцы и, протягивая корявую лапу, бормочетъ: «А ну, дай, дядя, жижю, прикурить цыгарки или скидывай пальто»—простите меня, но умиляться при видѣ этого младенца я не могу!

Не будемъ обманывать и себя и другихъ; революція уже кончилась и кончилась она давно!

Начало ея—это свѣтлое, очищающее пламя, середина—зловонный дымъ и копоть, конецъ—холодныя обгорѣлыя головешки.

Развѣ мы сейчасъ не бродимъ среди давно-потухшихъ головешекъ,—безъ крова и пищи, съ глухой досадой и пустотой въ душѣ.

Нужна была Россіи революція?

Конечно нужна.

Что такое революція? Это—переворотъ и избавленіе.

Но когда избавитель перевернуть—перевернулъ, избавить—избавилъ, а потомъ и самъ такъ плотно усѣлся на вашъ загорбокъ, что снова и еще хуже задыхаетесь вы въ предсмертной тоскѣ и судорогѣ голода и собачьяго существованія, когда и конца-краю не видно этому сидѣнью на вашемъ загорбкѣ, то тогда чортъ съ нимъ и съ избавителемъ этимъ! Я самъ, да, думаю, и вы тоже, если вы не дураки—готовы воткнуть ему не только дюжину, а даже цѣлый гроссъ «ножей въ спину».

Правда, сеічасъ еще есть много людей, которые, подобно плохо выученнымъ попугаямъ, бормочутъ только одну фразу:

— Товарищи, защищайте революцію!

Позвольте, да вы вѣдь сами раньше говорили, что революція это молнія, это громъ стихійнаго Божьяго гнѣва... Какъ же можно защищать молнію?

Представьте себѣ человѣка, который стоялъ бы посреди омраченнаго громовыми тучами поля и, растопыривъ руки, вопилъ бы:

— Товарищи! Защищайте молнію! Не допускайте, чтобы молнія погасла отъ рукъ буржуевъ и контръ-революціонеровъ!!

Вотъ что говоритъ мой собратъ по перу, знаменитый русскій поэтъ и гражданинъ К. Бальмонтъ, мужественно боравшійся въ прежнее время, какъ и я, противъ уродливостей минувшаго царизма.

Вотъ его буквальные слова о сущности революціи и защитѣ ея:

«Революція хороша, когда она сбрасываетъ гнетъ. Но не революціями, а эволюціей живъ міръ. Стройность, порядокъ—вотъ что нужно намъ, какъ дыханіе, какъ пища. Внутренняя и внѣшняя дисциплина и сознаніе, что единственное понятіе, которое сейчасъ нужно защищать всѣми силами, это понятіе Родины, которая выше всякихъ личностей и классовъ и всякихъ отдѣльныхъ задачъ,—понятіе настолько высокое и всеобъемлющее, что въ немъ тонетъ все, и нѣтъ разнствующихъ въ немъ, а только сочувствующіе и слитно работающіе—купецъ и крестьянинъ, рабочій и поэтъ, солдатъ и генералъ».

«Когда революція переходитъ въ сатанинскій вихрь разрушенія— тогда правда становится безгласной или превращается въ ложь. Толпами овладѣваетъ стихійное безуміе, раздражательное сумасшествіе, всѣ слова утрачиваютъ свое содержаніе и свою убѣдительность. Если такая бѣда овладѣваетъ народомъ, онъ неизбежно возвращается къ притчѣ о бѣсахъ, вошедшихъ въ стадо свиней»...

«Революція есть гроза. Гроза кончается быстро и освѣжаетъ воздухъ и ярче тогда жизнь, красивѣе цвѣтутъ цвѣты. *Но жизни нѣтъ тамъ, гдѣ грозы происходятъ непрерывно.* А кто умышленно хочетъ длить грозу, тотъ явный врагъ строительства и благой жизни. И выраженіе «защищать революцію», долженъ сказать, мнѣ кажется бессмысленнымъ и жалкимъ. Настоящая гроза не нуждается

въ защитѣ и подпоркахъ. Ужъ какая же это гроза, если ее, какъ старушку, нужно закутывать въ ватное одѣяло».

Вотъ какъ говоритъ К. Бальмонтъ... И въ одномъ только онъ ошибается—сравнивая нашу «выросшую изъ пеленокъ» революцію съ безпомощной старушкой, которую нужно кутать въ ватное одѣяло.

Не старушка это,—хорошо бы, коли старушка,—а полупьяный дѣтина съ большой дороги, и не вы его будете кутать, а онъ самъ себя закутаетъ вашимъ же, стащеннымъ съ вашихъ плечъ, пальто.

Да еще и ножикомъ ткнетъ въ бокъ.

Такъ такого-то грабителя и раззорителя беречь? Защищать?

Да ему не дюжину ножей въ спину, а сотню,—въ дикообраза его превратить, чтобы этотъ пьяный, лѣнивый сутенеръ, вцѣпившійся въ нашъ загорбокъ, не мѣшалъ намъ строить Новую Великую Свободную Россію!

Правильно я говорю, друзья-читатели? А?

И если каждый изъ васъ не безтолковый дуракъ, или не мошенникъ, которому выгодна вся эта разруха, вся эта «защита революціи»,—то всякъ изъ васъ отдѣльно и все вмѣстѣ должны мнѣ грянуть въ отвѣтъ:

— Правильно!!!

Аркадій Аверченко.

ФОКУСЪ ВЕЛИКАГО КИНО

Отдохнемъ отъ жизни.

Помечтаемъ. Хотите?

Садитесь, пожалуйста, въ это мягкое кожанное кресло, въ которомъ тонешь чуть не съ головой. Я подброшу въ каминъ угля, а вы закурите эту сигару. Недурной «Боливаръ», неправда-ли? Я люблю когда въ полумракѣ кабинета, какъ тигровый глазъ свѣтитъ огонекъ сигары. Ну, наполнимъ еще разъ наши рюмки темно-золотистымъ хересомъ—на бутылочкѣ-то пыли скелькоросло—вѣковая пыль, благородная,—а теперь слушайте...

* * *

Однажды въ кинематографѣ я видѣлъ удивительную картину: Море. Берегъ. Высокая этакая отвѣсная скала, саженой въ десять. Вдругъ у скалы закипѣла вода, вынырнула человѣческая голова, и вотъ человѣкъ, какъ гигантскій, оттолкнувшійся отъ земли мячъ, взлетѣлъ на десять саженой кверху, сталъ на площадку скалы—совершенно сухой и сотворилъ крестное знаменіе такъ: сначала пальцы его коснулись лѣваго плеча, потомъ праваго, потомъ груди и, наконецъ, лба.

Онъ быстро одѣлся и пошелъ прочь отъ моря, задомъ напередъ, пятакъ какъ ракъ. Взмахнулъ рукой, и окурокъ папирасы, валявшійся на дорогѣ, подскочилъ и влѣзъ ему въ пальцы. Человѣкъ сталъ курить, втягивая въ себя дымъ, рождающійся въ воздухѣ. По мѣрѣ куренія, папироса дѣлалась все больше и больше и, наконецъ, стала совсѣмъ свѣжей, только что закуренной. Человѣкъ приложилъ къ ней спичку, вскочившую ему въ руку съ земли, вынулъ коробку спичекъ, чиркнулъ загорѣвшуюся спичку о коробку, отчего спичка погасла, вложилъ спичку въ коробочку; папиросу, торчашую во рту, сунулъ обратно въ портсигаръ, нагнулся—и плевокъ съ земли вскочилъ ему прямо въ ротъ. И пошелъ онъ дальше также задомъ напередъ, пятакъ какъ ракъ. Дома сѣлъ передъ пустой тарелкой и стаканомъ, вылилъ изо рта въ стаканъ нѣсколько глотковъ краснаго вина и принялся вилокѣй таскать изо рта куски цыпленка, кладя ихъ обратно на тарелку, гдѣ они подъ ножомъ срастались въ одно цѣлое. Когда цыпленокъ вышелъ цѣликомъ изъ его горла, подошелъ лакей и, взявъ тарелку, понесъ этого цыпленка на кухню—жарить... Поваръ, положилъ его на сковородку, потомъ снялъ, сырого, утыкалъ перьями, поводитъ ножомъ по его горлу, отчего цыпленокъ ожилъ и потомъ весело побѣжалъ по двору.

* *

Неправда-ли, вамъ понятно въ чемъ тутъ дѣло: это обыкновенная фильма, изображающая обыкновенные человѣческіе поступки, но пущенные въ обратную сторону.

Ахъ, если бы наша жизнь была похожа на послушную кинематографическую ленту!...

Повернулъ ручку назадъ—и пошло—поѣхало...

Передо мной — бумага, покрытая ровными строками этого фельстона. Вдругъ—перо пошло въ обратную сторону—будто соскабливая написанное, и когда передо мной чистая бумага, я беру шляпу, палку и, пятакъ, выхожу на улицу...

Шуршитъ лента, разматываясь въ обратную сторону.

Вотъ сентябрь позапрошлага года. Я сажусь въ вагонъ, поѣздъ даетъ задній ходъ и мчится въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ чудеса: съ Невскаго уходятъ забирая свои товары—селедочницы, огуречницы, яблочницы и невоюющіе солдаты, торгующіе папиросами.... Большевистскіе декреты, какъ шелуха, облетаютъ со стѣнъ, и снова стѣны домовъ чисты и нарядны. Вотъ во весь опоръ примчался на автомобилѣ заднимъ ходомъ Александръ Федоровичъ Керенскій. Вернулся?!

Крути, Митька живѣй!

Вѣхалъ онъ въ Зимній Дворецъ, а тамъ, глядишь, все новое и новое мельканіе ленты: Ленинъ и Троцкій съ компаніей вышли, пятясь, изъ особняка Кшесинской, поѣхали задомъ напередъ на вокзалъ, сѣли въ распломбированный вагонъ, тутъ же его запломбировали и—укатила вся компанія заднимъ ходомъ въ Германію.

А вотъ совсѣмъ пріятное зрѣлище: Керенскій задомъ напередъ вылетаетъ изъ Зимняго Дворца—давно пора,—вскакиваетъ на столъ и напыщенно говоритъ рабочимъ; «Товарищи! Если я васъ покину— вы можете убить меня своими руками! До самой смерти я съ вами».

Совралъ, каналья. Какъ иногда полезно пустить ленту въ обратную сторону!

Быстро промелькнула февральская революція. Забавно видѣть, какъ пулеметныя пули вылетали изъ тѣлъ лежащихъ людей, какъ влетали онѣ обратно въ дуло пулеметовъ, какъ вскакивали мертвые и бѣжали задомъ напередъ, размахивая руками.

Крути, Митька, крути!

Вылетѣлъ изъ царскаго дворца Распутинъ и покатишь къ себѣ въ Тюмень. Лента-то вѣдь обратная.

Жизнь все дешевле и дешевле... На рынкахъ масса хлѣба, мяса и всякаго съѣстнаго дрязгу.

А вотъ и ужасная война таетъ, какъ кусокъ снѣга на раскаленной плитѣ; мертвые встаютъ изъ земли и мирно уносятся на носилкахъ обратно въ свои части. Мобилизація быстро превращается въ демобилизацію, и вотъ уже Вильгельмъ Гогенцоллернъ стоитъ на балконѣ передъ своимъ народомъ, но его ужасныя слова, слова паука-кровопійцы объ объявленіи войны, не

вылетаютъ изъ усть, а наоборотъ, глотають онъ ихъ, ловя губами въ воздухѣ. Ахъ, чтобъ ты ими подавился!...

Митька, крути, крути, голубчикъ!

Быстро мелькають поочередно четвертая дума, третья, вторая, первая, и вотъ уже на экранѣ четко вырисовываются жуткія подробности октябрьскихъ поргомовъ.

Но, однако, тутъ это не страшно. Громилы выдергиваютъ свои ножи изъ груди убитыхъ, тѣ шевелятся, встають и убѣгаютъ, летающей въ воздухѣ пухъ аккуратно самъ слетается въ еврейскія перины, и все принимаетъ прежній видъ.

А что это за ликующая толпа, что за тысячи шапокъ, летящихъ кверху, что это за счастливыя лица, по которымъ текутъ слезы умиленія?!..

Почему незнакомые люди цѣлуются, чортъ возьми!

Ахъ, это манифестъ 17 октября, данный Николаемъ II свободной Россіи...

Да вѣдь это, кажется, былъ самый счастливый моментъ во всей нашей жизни!

Митька! замри!! Останови, чортъ, ленту, не крути дальше! Руки поломаю!...

Пусть замретъ. Пусть застынетъ.

— Газетчикъ! Сколько за газету? Пятачекъ?

— Извозчикъ! Полтинникъ на Конюшенную, къ «Медвѣдю». Пошелъ живѣй, гривенникъ прибавлю. Здравствуйте! Дайте обѣдъ, рюмку коньяку и бутылку шампанскаго. Ну, какъ не выпить на радостяхъ... Съ манифестомъ васъ! Сколько съ меня за все? Четырнадцать съ полтиной? А почему это у васъ шампанское десять цѣлковыхъ за бутылку, когда въ «Вѣнѣ»—восемь? Развѣ можно такъ безсовѣстно грабить публику?

Митька, не крути дальше! Замри. Хотя бы потому остановись, что мы себя видимъ на пятнадцать лѣтъ моложе, почти юношами. Ахъ, сколько было надеждъ, и какъ мы любили, и какъ насъ любили.

Отчего же вы не пьете вашъ хересъ! Камниъ погасъ, и я не вижу въ сѣрой мглѣ—почему такъ странно трясутся ваши плечи: смѣтаетесь вы или плачете?

ПОЭМА О ГОЛОДНОМЪ ЧЕЛОВѢКѢ

Сейчасъ въ первый разъ я горько пожалѣлъ; почему мама въ свое время не отдала меня въ композиторы.

То, о чемъ я хочу сейчасъ написать ужасно трудно выразить въ словахъ... Такъ и подмываетъ сѣсть за рояль, съ трескомъ опустить руки на клавиши — и все, все какъ есть, перелить въ причудливую вереницу звуковъ, грозныхъ, тоскующихъ, жалобныхъ, тихо-стонущихъ и бурно-проклинаяющихъ.

Но иѣмы и безсильны мои негибкіе пальцы, но долго еще будетъ молчать хладнокровный, неразбуженный рояль, и закрыть для меня пышный входъ въ красочный міръ звуковъ...

И приходится писать мнѣ элегіи и ноктюрны привычной рукой — не на пяти, а на одной линейкѣ, — быстро и привычно вытягивая строку за строкой, перелистывая страницу за страницей. О, бога-

тыя возможности, дивныя достиженія таятся въ словѣ, но не тогда, когда душа морщится отъ реального прозаическаго трезваго слова, когда душа требуетъ звука, бурнаго, бѣшеннаго движенія обезумѣвшей руки по клавишамъ..

Вотъ моя симфонія—слабая, блѣдная въ словѣ...

* *

Когда тусклыя сѣро-розовыя сумерки спустятся надъ слабымъ, голоднымъ, устало смежившимъ свои померкшія, свои сверкавшія прежде очи—Петербургомъ, когда одичавшее населеніе расплзается по угрюмымъ берлогамъ коротать еще одну изъ тысячи и одной голодной ночи, когда все стихнетъ, кромѣ комиссарскихъ автомобилей, бодро шныряющихъ, проворно, какъ острое шило, вонзающихся въ темныя безглазья русла улицъ—тогда въ одной изъ квартиръ Литейнаго проспекта собираются нѣсколько сѣрыхъ безшумныхъ фигуръ и, пожавъ другъ другу дрожащія руки усаживаются вокругъ стола пустого, освѣщеннаго гнуснымъ воровскимъ свѣтомъ сальнаго огарка.

Нѣкоторое время молчатъ, задыхающіеся, усталые отъ цѣлаго ряда гигантскихъ усилій: надо было подняться по лѣстницѣ на второй этажъ, пожать другъ другу руки и придвинуть къ столу стулъ—это такой нестерпимый трудъ!..

Изъ разбитаго окна дуетъ... но заткнуть зіяющее отверстіе подушкой ужъ никто не можетъ—предыдущая физическая работа истощила организмъ на цѣлый часъ.

Можно только сидѣть вокругъ стола оплывшей свѣчи и журчать тихимъ, тихимъ шопотомъ...

Переглянулись.

— Начнемъ, что-ли? Сегодня чья очередь?

— Моя.

— Ничего подобнаго. Ваша позавчера была. Еще вы рассказывали о макаронахъ съ рубленой говядиной.

— О макаронахъ Илья Петровичъ рассказывалъ. Мой докладъ былъ о понированной телячьей котлетѣ съ цвѣтной канустой. Въ пятницу.